

С. В. ИВАНОВ

ЧУКОТСКО-ЭСКИМОССКАЯ ГРАВЮРА НА КОСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, предоставила народам Советского Союза неограниченные возможности для их творческого роста во всех областях культуры и искусства.

За последние 30 с лишним лет народы Советского Союза прошли огромный путь исторического развития и коренным образом изменили основы своей экономики, общественных отношений и мировоззрения.

Глубокие сдвиги произошли в художественном творчестве этих народов, как в крупных республиках, так и на далеких окраинах Советского Союза.

Не осталось в стороне от этих сдвигов и изобразительное искусство чукчей и эскимосов, шагнувшее за годы Советской власти далеко вперед по сравнению с дореволюционным прошлым. Если прежде об этом искусстве знали немногие, главным образом этнографы и лица, побывавшие на Севере, то теперь оно стало широко известно не только в Советском Союзе, но и за его пределами. И это не случайно, так как чукотско-эскимосское искусство отличается ярко выраженным стремлением к реалистической трактовке явлений окружающей действительности, понятно каждому и, подкупая своей искренностью, вызывает чувство симпатии к скромным охотникам далекой Чукотки.

В настоящей статье речь идет только об одном виде изобразительного искусства чукчей и эскимосов — об их гравюре на кости.

Гравюра на кости известна оседлым чукчам, азиатским и американским эскимосам. Но только на азиатском берегу и притом в советское время, благодаря вниманию и поддержке ряда центральных и местных учреждений, осуществляющих политику партии в области национальной культуры, творческая деятельность чукотских и эскимосских мастеров приобрела широкий размах и получила все возможности для своего дальнейшего развития.

С установлением Советской власти на Чукотском полуострове резчики по кости, работавшие прежде в одиночку и сбывавшие свои изделия случайным покупателям, были объединены в производственные артели и обеспечены необходимым сырьем и инструментами. Сбыт их продукции приобрел организованный характер, мастерские стали получать заказы не только от местных, но и от центральных организаций. Неоднократно резные изделия чукчей и эскимосов экспонировались на выставках как в Советском Союзе, так и за границей, неизменно получая высокую оценку. В советское время создано очень много разнообразных гравюр на кости, значительная часть которых поступила в музей¹. Но дело, разумеется, не только в количестве работ. В гравюрах советского времени отражены глубокие качественные изменения, свидетельствующие о новых формах отражения действительности, о рас-

¹ Музей народов СССР, Всесоюзная торговая палата (Москва), Музей при Институте художественной промышленности (Москва), Музей Арктики (Ленинград), Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), Владивостокский музей и др.

ширении художественного кругозора мастеров, о поисках новых средств изобразительности. Для понимания всех этих процессов и выяснения того, что сохранилось от старого художественного наследия, что и в каком направлении изменилось и что создано заново, необходимо хотя бы кратко рассмотреть историю развития эскимосской гравюры. Только сопоставляя старое с новым, мы увидим, как далеко ушло это искусство вперед, каковы его тенденции и дальнейшие перспективы.

Вопрос о том, когда и где на эскимосской почве впервые появились изображения животных и человека, гравированные на кости, остается пока открытым. Известно, что кость и клык моржа с давних времен употреблялись для изготовления различного рода орудий и утвари, однако ни для древнеберингоморской, ни для предшествовавших ей стадий развития эскимосской культуры тематические рисунки, гравированные на кости, не характерны. Находки, относящиеся к пунукскому времени, также не дают пока достаточных оснований говорить о развитии этого искусства². Искусство Пунука представлено скульптурой и орнаментом. Но можно все же предполагать, что в это время гравированные изображения уже были известны на азиатском берегу³.

Наиболее ранние из известных нам гравированных изображений американских эскимосов относятся ко времени культуры туле, широко распространенной по всему арктическому берегу Америки, до Гренландии включительно. Они обнаружены в следующих пунктах: на Аляске — на побережье Берингова пролива, на мысе Хоп, на мысе Барроу; в Канаде — на о. Саутхемптон, на п/о Мелвилл; в Гренландии — в северо-западной ее части, в районе Туле. Период времени, в течение которого развивалась культура туле, заканчивается XVII ст., когда культура эскимосов начинает приобретать современный характер, хорошо известный по этнографическим материалам. Предметы из кости, покрытые гравированными рисунками, относятся, повидимому, к последним столетиям существования культуры туле, т. е. к XV—XVI ст. Надо, впрочем, заметить, что гравированные изображения найдены пока в крайне ограниченном количестве. Они имеются на костяных гребнях, на палочках для лучковых сверл, на отдельных кусочках оленьего рога и моржовой кости, на костяных ножах и иглообразных инструментах, т. е. на предметах бытового назначения. Единичные экземпляры гравированных изделий, несмотря на значительное количество других археологических находок, относящихся к культуре туле, говорят о том, что этот вид искусства не получил еще в указанный период широкого распространения.

Сюжеты рисунков на предметах, относящихся к культуре туле, характеризуют некоторые моменты хозяйственной деятельности эскимосов, их средства передвижения, жилище, а также местную фауну. Изредка встречаются фигурки человека, иногда стилизованные хвосты китов (рис. 1). Старинные гравюры исполнялись с помощью осколков кремня или других твердых камней (рис. 2-а). В резные линии втирались черная краска. В этих пока еще очень скромных рисунках намечаются уже характерные черты эскимосского искусства, известного по более поздним этнографическим источникам. Человеческие фигурки трактованы линейно, в виде обобщенного контура или силуэта. Они представляют собою не индивидуальный, а типовой образ человека. Такой же характер имеют и другие изображения.

² Древнеберингоморский этап развития эскимосской культуры начинается за несколько столетий до н. э. и заканчивается в конце первого тысячелетия нашей эры. Пунукский этап охватывает период между X и XVII ст. н. э.

³ Проф. А. Л. Портанко принадлежит первая находка этого рода. Работая на Чукотском полуострове в составе зоологической экспедиции, он нашел потемневший от времени кусок кости, на котором оказалось несколько гравированных изображений оленя, носивших примитивно-реалистический характер.

Особенности рисунка времени туле сводятся к следующему: установка фигур на линию (землю), друг за другом; покрытие некоторых изображений штриховкой, создающей впечатление силуэта; мелкие размеры фигур; свободные позы; подчеркнутое движение; соединение фигур в простейшие группы; примитивно-реалистическая трактовка изображений.

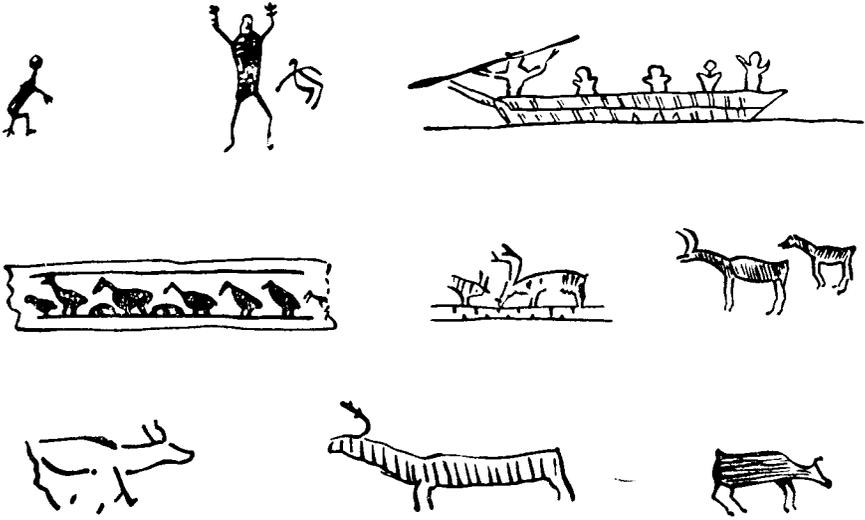

Рис. 1. Изображения человека и животных на костяных предметах, относящихся ко времени культуры туле. Американские эскимосы (По Т. Матиассену и Е. Хольтведу)

По содержанию рисунки, по всей вероятности, относятся к области бытового иллюстративного искусства. Не исключена, впрочем, возможность, что некоторые изображения преследовали магические цели.

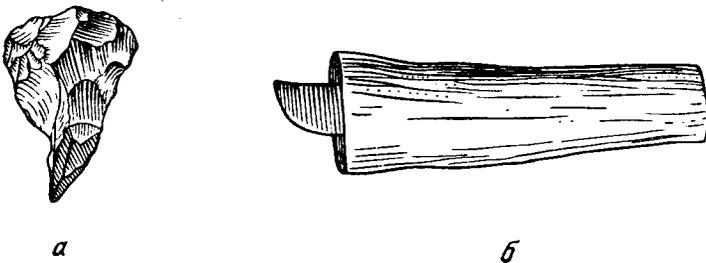

Рис. 2. Каменный (а) и железный (б) резцы для нанесения гравировки (по С. И. Руденко и Э. Нельсону)

Находки гравированных изображений, датируемых временем туле, заставляют признать несостоятельной гипотезу Гоффмана о том, что искусство гравюры обязано своим возникновением контакту эскимосов с европейцами⁴. Следуя Гоффману, эту мысль высказывали позже и другие авторы, опиравшиеся в своих исследованиях только на этнографический материал.

⁴ W. J. Hoffman. The graphic art of the Eskimos. Report of the U. S. Nat. Mus. for 1895. Washington, 1897, стр. 765.

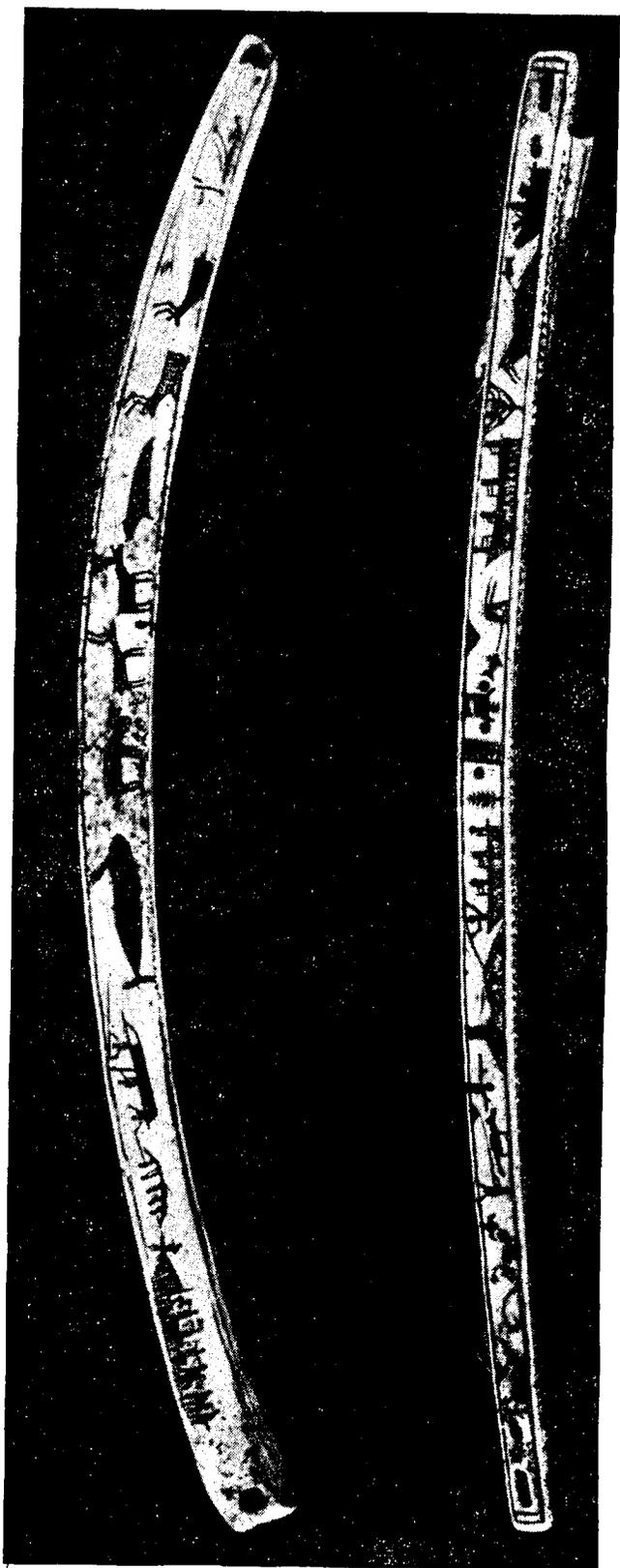

Рис. 3. Образцы гравировки по кости на эскимосских изделиях XIX ст. (МАЭ, №№ 2938—17 и 633—25)

Следующий этап развития эскимосской гравюры представлен коллекциями, собранными в XIX ст.⁵

Имеющиеся в распоряжении науки материалы первой половины XIX ст., свидетельствуют о том, что к этому времени гравюра на кости получила среди американских эскимосов широкое распространение. Крупным центром гравюры на кости была в это время Аляска, в особенности районы, ближайšie к азиатскому материку: к северу от залива Кускоквим и далее по побережью Берингова моря и по Арктическому побережью до мыса Барроу или несколько восточнее его.

В это время для нанесения резьбы применялись железные резцы (рис. 2-б). Рисунок обнаруживает везде одни и те же черты; его техника и стиль примыкают к гравюрам туле, но круг сюжетов значительно шире и разнообразнее. Композиции отличаются сложностью и включают большое количество фигур. Сценки повествовательного характера раскрывают перед нами хозяйственную деятельность эскимосов (охоту на кита, моржа, тюленя, дикого оленя), домашние занятия, обществен-

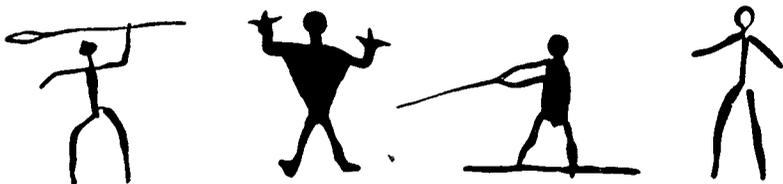

Рис. 4. Изображения человека на эскимосских гравюрах XIX ст.

ные праздники и развлечения (рис. 3). Образ человека попрежнему обобщен; встречаются примитивные линейные и силуэтные изображения, в линии которых втерта черная краска (рис. 4). Насколько позволяют судить об этом имеющиеся материалы, эскимосская гравюра на кости сохраняет указанные выше черты до середины XIX столетия. О каком-либо влиянии европейского искусства на гравюру эскимосов в этот период говорить не приходится. Она носит вполне самобытный характер и попрежнему тесно связана с различными предметами бытового назначения — утварью, посудой и т. д. В этот период гравюра создавалась эскимосами для удовлетворения собственных потребностей. В то же время эскимосы иногда продавали или выменивали европейцам отдельные предметы, покрытые резьбой, если это представляло для них выгоду.

На Чукотском полуострове в XIX в. рисунки, гравированные на кости, исполнялись сравнительно редко, но область рисунка была весьма развита. Как приморские (оседлые) чукчи, так и азиатские эскимосы рисовали красками на деревянных дощечках, веслах и скамейках для байдары те же охотничьи сценки, морских животных, яранги, стоящие вдоль берега, и тому подобные сюжеты. Эти рисунки исполнялись во время сезонных праздников, а предметы, на которые они наносились, по окончании праздников уничтожались. Для всех этих рисунков характерно четкое деление их на две группы. Одни относились к морю и помещались на одной стороне предмета, другие изображали сушу и располагались на другой его стороне (рис. 5). Рисунки на дереве носили примитивно-реалистический характер и имели много общего с гравированными на кости рисунками аляскинских эскимосов, относящимися к XIX столетию.

С середины XIX ст. в водах северной части Берингова моря стали хозяйничать американские торговые и китобойные суда, команды кото-

⁵ Экспедиции Коцебу, Бичи, Вознесенского, Долла, Нельсона, Якобсена, Норденшельда, Гондатти, Иохельсона и др.

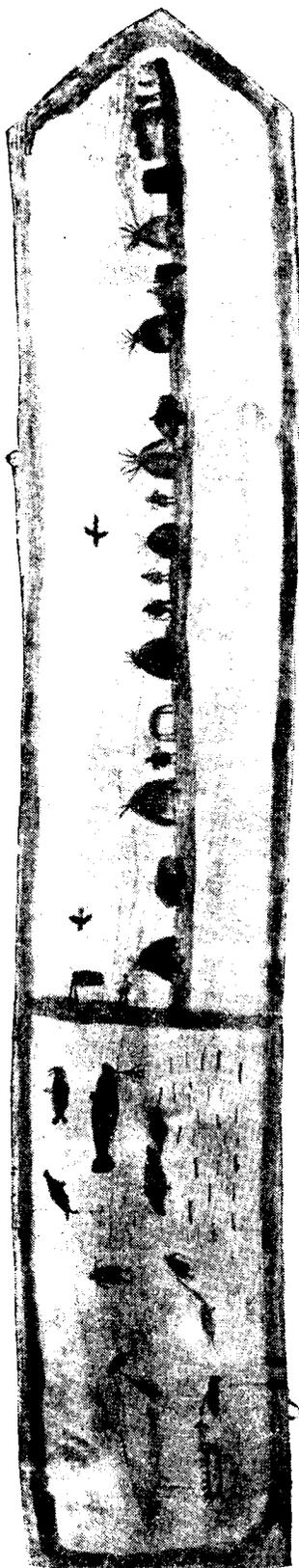

Рис. 5. Деревянная дощечка, покрытая рисунками, нанесенными краской. Чукчи (МАЭ, № 422—42)

рых завязывали регулярные торговые отношения как с эскимосами Аляски, так и с оседлыми чукчами и эскимосами Чукотского полуострова⁶. Китобой и торговцы не только приобретали местные изделия из кости, но и заказывали их мастерам. Последние, учитывая вкусы потребителей, стали изготавливать много вещей, рассчитанных на сбыт. Среди них были такие предметы, как, например, цепочки для часов, вилки, ножи, ложки и тому подобная мелочь, в большинстве случаев лишенная каких-либо художественных достоинств. Картальяк и Брейль в своей работе «Альтамирская пещера», вышедшей в 1906 г., отмечают, что эскимосы копируют рисунки из европейских журналов и применяются к графическим приемам европейцев, что отражается и на композиции рисунков. В то время, по словам указанных авторов, искусство эскимосов находилось на пути к вырождению⁷. Некоторая часть изделий эскимосов, рассчитанная на рынок, действительно отличалась небрежностью исполнения и носила стандартный характер. Но из этого еще не следовало делать вывод, что эскимосское искусство в целом клонилось к упадку. В этом отношении проникнутое пессимизмом заключение Картальяка и Брейля оказалось поспешным. Во всяком случае, на азиатском берегу, где также изготавливались вещи для продажи, отмеченные печатью безвкусицы, народное искусство сохраняло тем не менее свои лучшие традиции и вновь расцвело, как только были созданы для этого необходимые условия. Это произошло в советское время, после того как войска белых и интервентов были разбиты и окончательно вытеснены с Чукотского полуострова, а на побережье ликвидировано было влияние американских торговцев.

⁶ К. К. Нейман пишет по этому поводу следующее: «По словам чукчей, в наши бухты заходят ежегодно не более 10 судов, из которых большинство приходит налиться водой и запастись олениной. За то торгующие суда обирают чукчей самым наглым образом. Дорогую пушнину и моржевые клыки они выменивают на разные безделушки, но преимущественно на водку...» («Несколько данных о современном положении наших северо-восточных побережий»). Из отчетов К. К. Неймана, Сб. историко-стат. сведений о Сибири, т. II, вып. 1, СПб., 1875 г.).

⁷ E. Cartailhac et H. Breuil, La caverne d'Altamira..., 1906 г., стр. 155.

Среди новейших чукотских и эскимосских изделий из кости, покрытых гравировкой, особый интерес представляют целые (не распиленные) клыки моржа. Для XIX ст. такие клыки не характерны. Не встречаются они и среди археологических находок. Повидимому, появление гравировки на целых клыках следует относить к концу XIX или к началу XX столетий⁸. Самый ранний из известных нам датированных гравированных клыков относится к 1904—1907 гг. Он доставлен был в Гос. музей этнографии (Ленинград) Н. П. Сокольниковым. Далее следует упомянуть клыки с о. Лаврентия, снимки с которых хранятся в Музее антропологии и этнографии (поступили в 1909 г.), и клык Гос. музея этнографии (№ 1805—1), приобретенный в 1909 г. у чукчей. К 1910—1912 гг. относятся клык и отрез клыка, приобретенные доктором Кирилловым у чукчей (хранятся в Музее антропологии и этнографии и в Гос. музее этнографии). Известно также несколько образцов изделий этого рода, изготовленных в период между 1912 и 1928 гг. Они приобретены у чукчей и аляскинских эскимосов. В течение первой четверти XX ст. гравированные клыки как на азиатском, так и на американском побережьях Берингова моря изготовлялись все же в ограниченном количестве, и производство их носило случайный характер.

В начале XX ст. чукотские и эскимосские резчики начинают придавать изображениям человека индивидуальные черты. Последние интересовали мастеров и прежде, но дело сводилось при этом или к наделению фигур теми или иными атрибутами, или к приданию им какой-либо характерной позы. Традиционные мелкие размеры фигур, при сохранении старой техники исполнения, препятствовали дальнейшей индивидуализации образа человека. Примитивные «человечки», похожие на детские рисунки, не давали представления ни об одежде, ни о поле, ни о чертах лица человека. Нужно было увеличить масштабы изображений. Прежде это было невозможно, так как клыки распиливались на небольшие кусочки или узкие пластинки кости. Теперь в распоряжении резчика находился целый клык, который позволял увеличить площадь для рисунка в несколько раз. Вначале по старой привычке клык расчерчивали по длине несколькими параллельными линиями, и в узких промежутках между ними гравировали те же мелкие фигурки людей, животных, лодок и жилищ.

Но рядом с такими клыками стали появляться и другие, с более крупными рисунками, представлявшими собою не механическое увеличение старых, а нечто новое. На этих рисунках изображения имели ряд деталей: у людей изображено было лицо, одежда, у тюленей и медведей — шерсть, глаза, у оленей — копыта и т. д. У резчиков появился интерес к окружающему пейзажу, они стали изображать холмы, траву, кусты, волны на море, плавающие льдины, облака. Познавательная сторона искусства таким образом значительно расширилась.

Резчики стали по-новому смотреть на окружающую их действительность, по-новому воспроизводить ее.

На клыке из коллекции МАЭ (№ 1927—26), относящемся к 1912 г., мы находим одновременно два способа изображения человека и животных — старый и новый. В известной мере резчик находится еще во власти прежних навыков, они ему близки, понятны, а главное — хорошо им усвоены. Новое же требует поисков, и тут резчик проявляет некоторую нерешительность (рис. 6). Однако пыливый глаз и острая наблюдательность мастеров способствовали быстрому усвоению новых образов, для передачи которых потребовались и некоторые дополнительные технические приемы гравировки. Так открылась новая страница в истории палеоазиатской гравюры. Известную роль при этом сыграли и за-

⁸ В XIX ст. клыки, предназначенные для продажи, только полировались, без нанесения на них гравировки.

просы покупателей, которых также не удовлетворял старый способ изображения людей и животных. Следует отметить, что иногда вещи делались по заказу, с явно навязанной мастеру тематикой. Нельзя не упомянуть и о нездоровых тенденциях, вызванных европейским спросом. Так, например, на одном клыке чукотской работы, хранящемся в Гос. музее этнографии, мы видим изображение полуобнаженной женщины с крестом на шее и бутылкой водки в руке. Очевидно, в свое время такие сюжеты находили своих покупателей среди лиц, посещавших Чукотский полуостров.

В рисунках на клыках работы аляскинских эскимосов в указанный период было еще мало целеустремленности. Изображения не обнару-

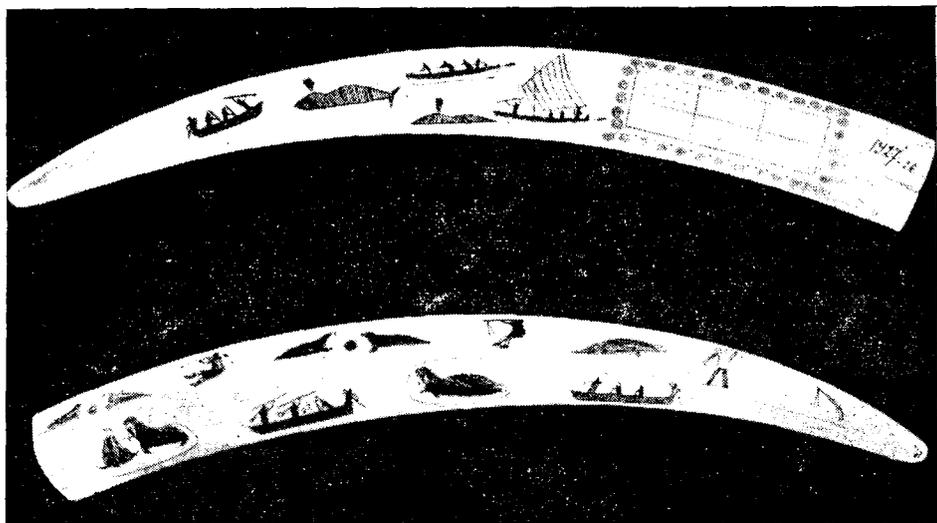

Рис. 6. Эскимосская гравюра на клыке. Первое десятилетие XX ст. (МАЭ, № 1927—26)

живали внутренней связи и представляли собой механический набор различных сюжетов. На одном из таких клыков мы видим, например, американского или европейского туриста, покупающего у эскимоса резной клык; тут же стоит женщина с ребенком, за ней какое-то крупное мифическое животное, с фантастической полосатой расцветкой тела, далее следуют: рыба, поставленная вертикально, и европеец в военной форме, едущий в санках, запряженных собакой⁹. На других аляскинских клыках представлены сюжеты, явно заимствованные из европейских журналов и книг.

Несмотря на ряд указанных недостатков и разброд в области содержания, гравюры первой четверти XX в. (по технике и форме) все же представляют собою шаг вперед по сравнению с XIX в.

В советское время, как уже отмечено выше, чукотско-эскимосская гравюра на клыках и других предметах, вырезанных из кости, начала развиваться быстрыми темпами, далеко опередив гравюру на кости у зарубежных эскимосов.

⁹ L. Giroux, Gravures coloriées sur dents de morse des Eskimaux de l'Alaska. Journ. de la Société des americanistes de Paris. N. S. Tome XVIII, Paris, 1926, стр. 99, табл. 1.

Оставляя в стороне ряд вопросов, связанных с организацией и деятельностью самих костерезных мастерских на Чукотском полуострове, остановимся только на основных моментах развития гравюры, которая со времени объединения мастеров в артели (1928 г.) претерпела ряд существенных изменений.

Вначале (1928—1932 гг.) клыки покрывались мелкими изображениями животных и человека, густо заполнявшими собою всю поверхность кости с обеих сторон. Резчиком хотелось рассказать о своей жизни как можно больше, отразить занятия и быт населения. Индивидуальные черты у людей выражены еще относительно слабо, все фигуры более или менее однотипны, но характеристика их тоньше: видно желание оттенить одежду и ее части, подчеркнуть детали орудий и других атрибутов. В указанный период впервые введен был рифель («кисточка») (рисунки 7 в) — зубчатая стамесочка, облегчившая нанесение штриховки на изображения, контуры которых исполнялись резцом («коготком») (рис. 7 а, б). Применение рифеля позволило резче оттенить

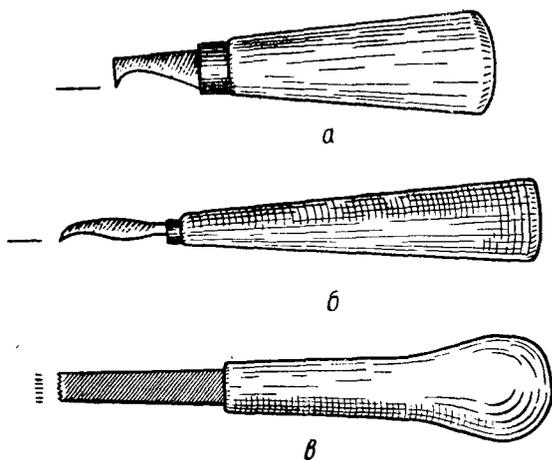

Рис. 7. Современные металлические инструменты для гравировки по кости: а, б — «коготок», в — рифель

фигуры на фоне кости, но в то же время придало рисункам некоторую тяжеловатость и сухость. Линии, проведенные рифелем, носили более или менее однообразный характер. Для того чтобы сделать гравировку заметной, в линии попрежнему втиралась черная краска. Как нововведение, следует отметить применение других красок или цветных карандашей, пользуясь которыми резчики значительно обогатили цветовую сторону гравюры. Легкой подцветкой фигур они умело подчеркивали детали, и тем самым делали рисунок еще более выразительным (рис. 8).

Увлечение штриховкой привело к тому, что фигуры стали почти силуэтными, с излишней резкостью выделяясь на светлом фоне кости.

Наряду с полихромной продолжала существовать и монохромная гравюра, без применения рифеля.

По своей тематике рисунки первого этапа очень разнообразны. Особое внимание резчиков привлекали сцены охоты на морских животных или отдельные животные, морские и тундровые, сцены нападения животных на человека. Значительное место занимали и процессы, связанные с результатами охоты (подвозка туш животных, разделка туш и т. п.), домашние занятия, бытовые сценки, танцы, езда на оленях. Нередко можно встретить изображения селений и отдельных жилищ, элементы пейзажа, интерес к которому все более усиливается. Появляются сюжеты на мотивы чукотских сказок.

В гравюре отражены и те изменения, которые произошли на Чукотском полуострове с приходом советской власти: изображены новые дома, поселки, пароходы, доставляющие грузы, радиомачты и т. п.

Впервые появляются в гравюре портретные изображения руководителей партии и правительства — В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина. Встречаются также портреты Карла Маркса. Чаще всего портреты помещаются в широкой части клыка, ближе к срезу и окружаются орнаментальной рамкой или советскими эмблемами. Мастера продолжают разделять сюжеты на две четко противопоставленные друг другу темы: на одной стороне клыка разверты-

Рис. 8. Чукотская гравюра конца 20-годов XX ст. Часть клыка. (Музей народов СССР)

вается жизнь на море, на другой — жизнь на берегу. В тех случаях, когда обе темы представлены на одной стороне клыка, они отделены друг от друга вертикальной чертой или орнаментальной полосой.

С течением времени (1932—1936 г.) количество резных клыков значительно возрастает. Прежнее нагромождение фигур постепенно изживается, изображений становится меньше, но размеры их увеличиваются. Резчики выбирают несколько основных сюжетов и тщательно их разрабатывают (рис. 9). В этот период становятся известными имена многих талантливых резчиков, работы которых появляются на выставках. Среди них Этуги, Рошилин, Онно и молодой талантливый чукча комсомолец Вуквол. Сама гравюра становится тоньше, художественные достоинства ее возрастают. Сплошная штриховка фигур рифелем уже перестает удовлетворять мастеров, стремящихся перейти к более разработанному рисунку. В связи с этим многие из них отказываются и от слишком сильного зачернения фигур. Рифелем пользуются, главным образом для того, чтобы оттенить изображения по контуру. Благодаря такому приему фигуры кажутся более объемными, по сравнению с теми, которые имеют сплошную штриховку. Плоскостно-силуэтная трактовка изображений постепенно уступает место светотеневой. Особенно ясно чувствуется это на гравюрах Вуквола. Графические приемы гравировки

разнообразятся: зигзагообразная штриховка рифелем, серия точек, глубокие линии, отдельные тонкие штрихи применяются в зависимости от того, какой предмет или деталь изображается. В гравюре все чаще появляются элементы линейной перспективы. На более углубленной основе разрабатывается проблема движения (свободные позы, галоп, сложные повороты и неожиданные ракурсы). Резчики стараются также придать то или иное выражение лицу и всей фигуре человека, создавая иногда чрезвычайно яркие образы (рис. 10).

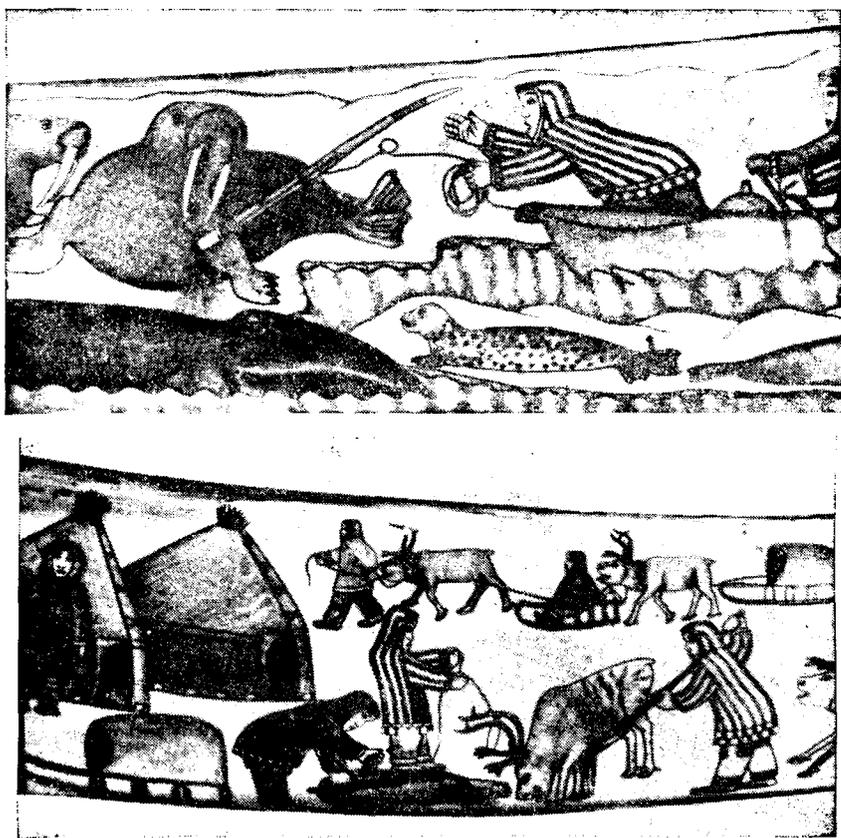

Рис. 9. Чукотская гравюра на клыке. Начало 30-х годов XX ст.
(Музей народов СССР)

Значительных успехов достигает и искусство портрета; оно свидетельствует о возросшем мастерстве резчиков и об их умении использовать различные приемы гравировки.

Если для первого этапа характерно было известное единообразие гравюры, малая индивидуализация творчества отдельных мастеров, то для второго этапа нужно отметить разнообразие техники и самой трактовки изображений. Все более выявляется творческий облик отдельного мастера. Число резчиков значительно возрастает. Если до революции их было не более 30—40, то к 1936 г. насчитывалось уже более сотни.

Тем же характером отличаются и работы, исполненные в 1937—1940 гг. Но линии гравюры становятся более легкими, штриховка, нанесенная рифелем, частично стирается наждаком и местами становится едва заметной, а втертая в линию краска — бледной и воздушной, благодаря чему гравированные рисунки кажутся похожими на акварельные.

Наряду с местными сюжетами в чукотской гравюре появляются темы, отражающие события из жизни Советского Союза. Известна, например, серия клыков с рисунками, изображающими челюскинскую эпопею. Гравюры на эту тему исполнены были несколькими резчиками по эскизам Вуквола. Вуквол был выдающимся резчиком, талантливым и вдумчивым, много работавшим над собой. Ему принадлежит, между прочим, первый опыт перевода миниатюры в монументальное декоративное искусство. Таков его портал из светлой пластмассы, изготовленный для художественной выставки 1937 г. в Москве. Тема рисунков на

Рис. 10. Чукотская гравюра на клыке. Начало 30-х годов XX ст. (Музей народов СССР)

портале — отчет председателя чукотского колхоза. Она последовательно разворачивается в ряде сюжетов, воспринимаемых как рассказ о трудовой жизни колхозников, их достижениях, домашних занятиях, играх и танцах. Тут же представлены сценки, изображающие чтение газеты и обучение колхозников письму. Рисунки отличаются четкостью и ясностью, в них много жизни, движения, сложных и трудных ракурсов. Эта работа со всей очевидностью доказала, что чукотско-эскимосские резчики могут стать хорошими монументалистами.

В предвоенные годы Вуквол задумывает интересную работу на тему «Чукотская легенда о Ленине». Рассказывая об этой работе, он пишет: «Мысль об отражении в изобразительном искусстве гениев человечества Ленина и Сталина давно возникла у меня, и я упорно работаю над овладением техникой резьбы, чтобы создать такие произведения»¹⁰.

После долгих творческих исканий работа на эту тему была им закончена¹¹. На одной стороне клыка художник развернул сюжеты, посвященные В. И. Ленину, на другой — И. В. Сталину (рис. 11). В этой работе, свидетельствующей о несомненном росте молодого художника, Вуквол не применяет штриховки, отказывается от рифеля и очень экономно пользуется только одним резцом. Все изображения, данные в контуре, отличаются большой выразительностью, характеристики людей

¹⁰ Вуквол, Чукотская легенда о Ленине. Народное творчество, № 1, 1938 г.

¹¹ Клык с гравюрами на тему «Чукотская легенда о Ленине» хранится в Музее В. И. Ленина в Москве.

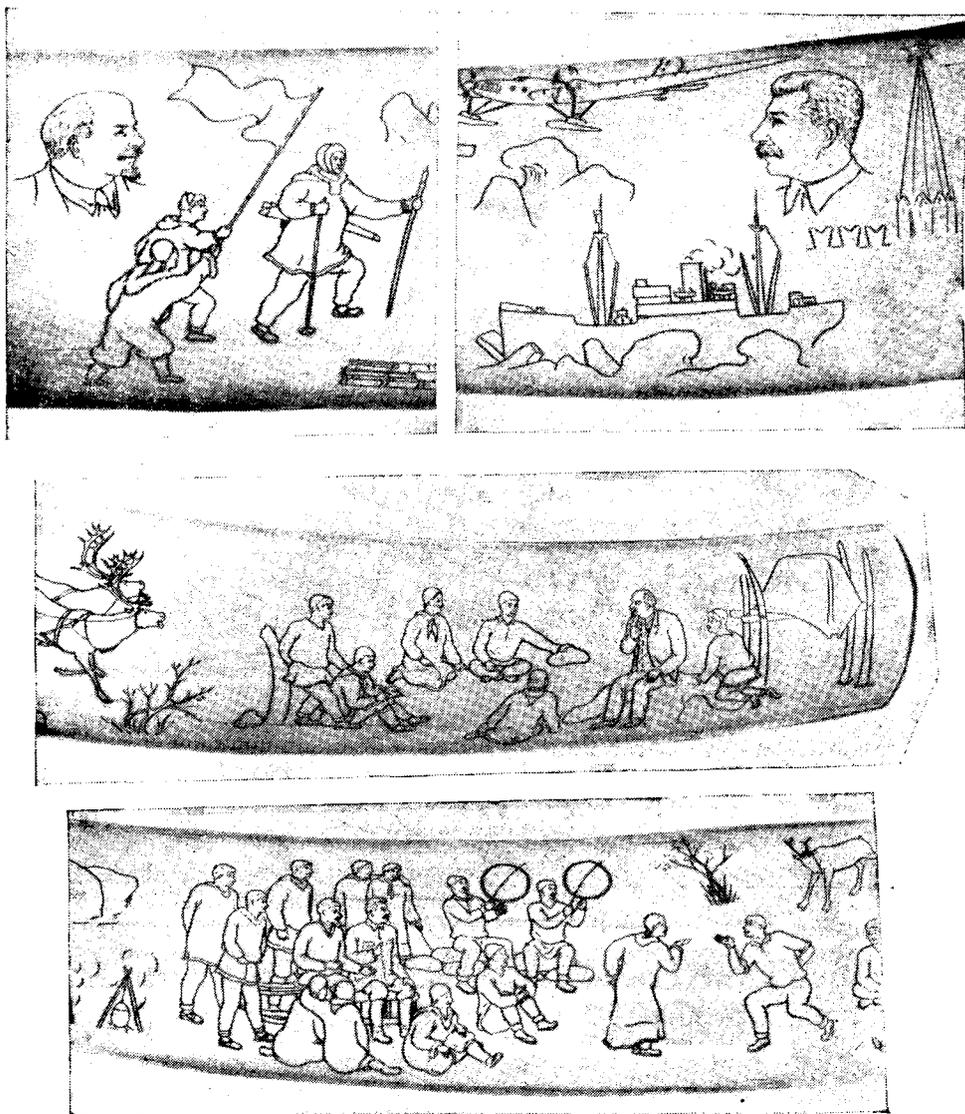

Рис. 11. Гравюры на кости работы Вуквола. 1937—1938 гг.

ярки и правдивы, портретные изображения выполнены очень удачно. Эти гравюры представляют собой образец подлинно реалистического, высокодейного искусства.

Гравюры периода Великой отечественной войны дают новые, нередко волнующие сюжеты. На одном клыке работы Онно изображены эпизоды, связанные с получением на Чукотке вести о победе советских войск над гитлеровскими захватчиками. В последовательно развертывающихся картинках показаны: прием радиogramмы, митинг и разъезд чукчей по селениям с радостной вестью о победе (рис. 12). На другом

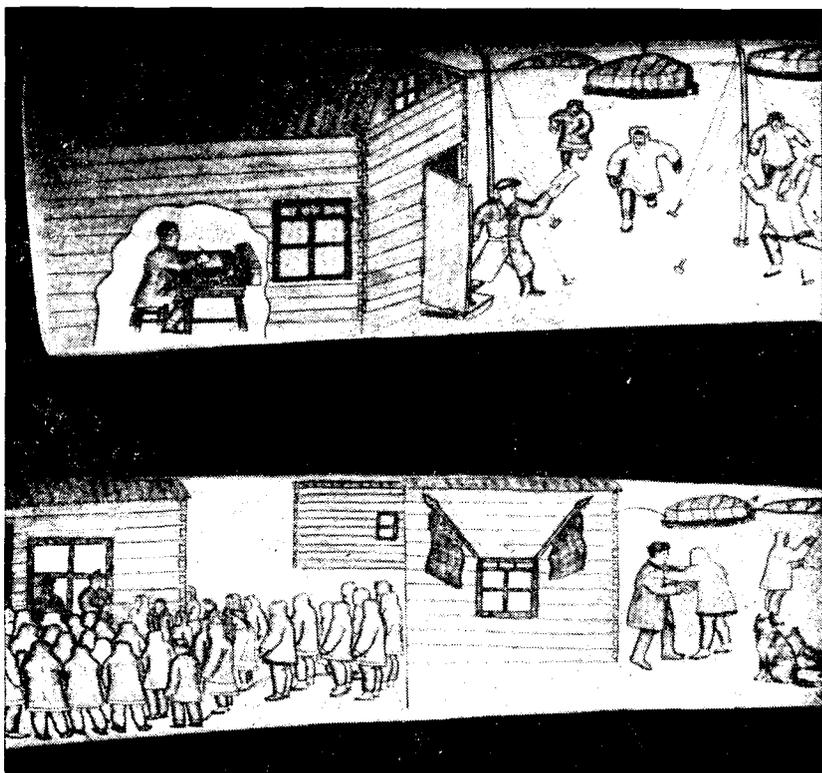

Рис. 12. Гравюра на кости чукотского мастера Онно. 1945 г.

клыке того же периода представлены прибытие на Чукотский полуостров советского парохода с грузом и сцена, изображающая постройку чукчами деревянного дома. Следующие рисунки той же серии дают представление о жизни колхозников в новом доме¹².

В послевоенные годы чукотско-эскимосские резчики создали ряд новых работ, среди которых много интересных. Заслуживает, например, внимания клык с изображением костерезной мастерской в Уэллене.

Появление среди чукотских и эскимосских резчиков нескольких молодых талантливых женщин, создавших уже ряд ценных гравюр, открывает новую страницу в истории палеоазиатской гравюры. Прежде, как известно, женщины не занимались резьбой, и еще в 30-х годах текущего столетия гравюра на кости была целиком сосредоточена в руках мужчин. Первые опыты женщин-резчиков комсомолок Энмины и Эмкуль и учениц Младкин и Анану, смело порвавших со старыми традициями, нельзя не расценивать как крупное событие в художественной жизни

¹² Клык работы Онно хранится в Музее Института художественной промышленности в Москве.

чукчей и эскимосов. Женские гравюры отличаются таким же характером, как и работы мужчин, и не уступают им по своим художественным достоинствам. Мы видим на них те же сцены охоты, умело переданные фигуры людей и животных, элементы пейзажа. Это искусство дышит таким же реализмом, как и лучшие образцы мужской гравюры (рис. 13).

Таков в общих чертах путь, пройденный чукотско-эскимосскими резчиками-граверами в советское время.

Оценивая достижения народных мастеров, мы прежде всего обращаем внимание на новую тематику, новые сюжеты в их искусстве. Эти сюжеты, свидетельствующие о крупных сдвигах в художественном мышлении чукчей и эскимосов, говорят о значительном расширении кругозора мастеров. Но это только одна сторона дела. Приобщение окраинных народов нашей страны к современной тематике неизменно сопровождается и новой трактовкой изображений, в чем не менее от-

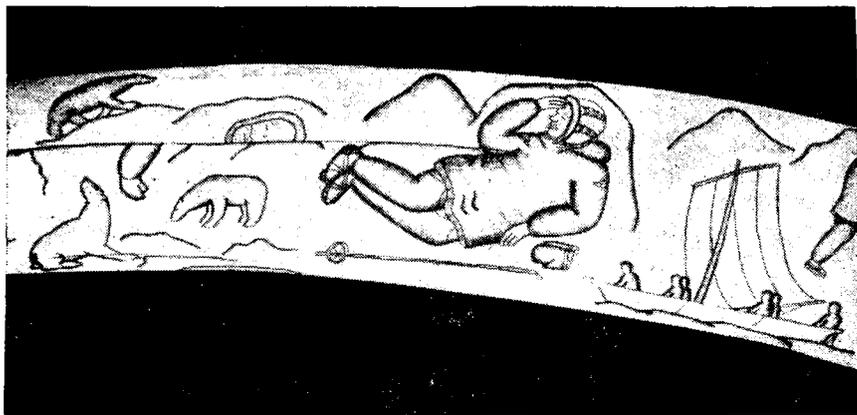

Рис. 13. Гравюра 1945 г. на тему чукотских сказок. Работа женщины-резчика Эммины

четливо прослеживается художественный рост народных мастеров, их критическое отношение к старым приемам резьбы, преодоление устаревших приемов и разработка новых средств художественной выразительности, отвечающих современным задачам, стоящим перед мастерами. Изучение всех этих процессов должно способствовать более глубокому пониманию тех крупных сдвигов, которые произошли и происходят в художественном мышлении и в художественной практике мастеров. Рассматривая их рисунки, выгравированные на кости в различное время, мы видим, что это искусство находится в процессе своего развития, становится все более богатым и полноценным. Чукотские резчики работают не только над темой, но и над созданием образа, умело используя для этого те или другие технические приемы.

Гравюра на кости, будучи тематически насыщенной, оказалась в советских условиях весьма жизненным, полезным и интересным начинанием, уже давшем прекрасные результаты. Гравированные клыки изготавливаются теперь сотнями, в то время как до революции они насчитывались единицами. Расширяя круг своей тематики, мастера далекой Чукотки уже не ограничиваются сюжетами из жизни своего народа; в меру своей осведомленности они откликаются и на события, волнующие каждого советского человека, где бы он ни находился. Это богатое реалистическое искусство в полной мере является социалистическим по содержанию и национальным по форме. Следует отметить, что сама национальная форма не остается при этом неизменной. Она меняет свое

лицо в соответствии с новым содержанием искусства. Если мы сравним чукотские и эскимосские рисунки начала XX в. с современными, то увидим, как далеко ушло это искусство вперед и по форме.

От некоторых «любителей старины» приходится иногда слышать о том, что палеоазиатское искусство в процессе своей творческой перестройки якобы утрачивает присущие ему национальные особенности. Так же отрицательно расценивается при этом и усвоение народными мастерами Севера некоторых приемов профессионального искусства, например перспективы, светотени и т. п. Нет необходимости доказывать, что такое понимание явлений, происходящих в национальном искусстве, является глубоко порочным и на практике могло бы привести к застою национального искусства, к насильственной консервации устаревших форм, к обеднению нового содержания, облеченного в несоответствующую ему изжившую себя форму. Расширение графических средств изобразительности нельзя расценивать как упадок национальной формы. Эта форма всегда сохраняется, но приобретает новые, более совершенные черты.

С этих позиций следует подходить и к оценке первых опытов создания чукчами и эскимосами портретных изображений. По исполнению эти рисунки зачастую еще слабы, подчас недостаточно грамотны. Не следует забывать, что перед нами искусство, еще не накопившее достаточных навыков в указанном направлении. Но с первых же опытов этого рода чукотские мастера постепенно оттачивали свою руку, переходя к более совершенным и законченным изображениям. Этот процесс легко может быть прослежен при сравнении старых портретных рисунков с новыми. Если на костяных изделиях 1928—1930 гг. портреты еще недостаточно разработаны, линии слишком обобщены, резки и сильно зачернены, причем мастера явно злоупотребляют штриховкой, то на вещах предвоенного времени наблюдаются уже иные приемы. Рисунки исполняются тонкими и плавными линиями, рифель нередко отбрасывается, и портреты приобретают большее сходство с оригиналом.

Исполнение портретных рисунков углубляло познавательную сторону искусства. Копируя портреты, имеющие обычно более крупные, чем остальные изображения, размеры, резчик должен был значительно глубже вникать в индивидуальные черты изображаемого им лица, в противном случае достичь желаемого сходства было бы невозможно.

* * *

Подводя итоги развития гравюры на кости в советский период, мы видим, что художественные достижения чукотских и эскимосских мастеров весьма значительны и могут быть сведены к следующему.

Введены новые инструменты — «коготок» и различные рифели, позволяющие придавать разнообразный характер линиям; появилась подцветка гравюры красками или цветными карандашами. Окончательно отказавшись от примитивной схемы, мастера перешли к более углубленной характеристике образа, найдя для этого новые средства художественного выражения. Линейная и отчасти плоскостная (силуэтная) трактовка фигур, остававшаяся почти неизменной на протяжении ряда столетий, уступила место иллюзорно-объемной (светотеневой). Дальнейшее развитие получил контурный рисунок, обогативший изображения тонко переданными деталями. Тяжеловатые и слишком зачерненные вначале линии стали более воздушными и разнообразными. От построения фигур в линию мастера перешли к расположению их в пространстве, с посильным учетом законов перспективы. Заметно углубилась этнографическая характеристика изображаемых персонажей, возник интерес к передаче материала (меха, кожи, тканей, дерева и т. п.). Усложнились позы, ракурсы, жесты, повороты фигур. Вместо прежних,

очень мелких фигур появились более крупные фигуры и портретные изображения. Повысился интерес к пейзажу, который нередко стал развертываться в виде панорамы. Элемент рассказа, составлявший характерную черту старозэскимосского искусства, усилился. Представляя собою своеобразные картины-миниатюры, это искусство стало широко повествовательным, разносторонне в реалистической форме отражающим социалистическое строительство на Чукотке и современную жизнь чукчей и эскимосов.

Будучи полноценным и жизненным, это искусство служит яркой иллюстрацией тех успехов, которые были достигнуты народами Чукотки в советский период. Проведение в жизнь ленинско-сталинских принципов национальной политики в области искусства пробудило к жизни новые творческие силы и обеспечило бурный рост и развитие народного изобразительного искусства среди чукчей и эскимосов, в частности, их гравюры на кости.

Организация в Уэллене художественного комбината, в котором работы по кости, несомненно, займут подобающее им место, должна способствовать дальнейшему улучшению качества гравюры, ее технической и художественной стороны.

Современная чукотско-эскимосская гравюра на кости далеко еще не исчерпала своих возможностей. Прежде всего следует обратить внимание на расширение ассортимента тех предметов, которые покрываются гравировкой. Существующий ассортимент этих изделий остается пока довольно скромным. Чернильные приборы, пресс-папье, спичечницы, салфеточные кольца, ножи для разрезания бумаги, табакерки, портсигары, рамочки для фотографий могут быть дополнены целой серией новых предметов, например шкатулками, пудреницами, стаканчиками для карандашей и т. п. При этом для многих из существующих изделий необходимо найти более усовершенствованную форму. Чернильным приборам придется иногда грубая форма и неудачная конструкция. Такие вещи не могут найти широкий сбыт, так как лишены стиля, громоздки и нередко представляют собою безвкусное нагромождение костяных пластин и неуклюже торчащих клыков. Оформление самих предметов явно отстает от высоко-художественной гравировки, покрывающей эти изделия. Руководителям костерезных мастерских следует в этом отношении учесть возросшие требования советского покупателя и позаботиться о создании таких предметов, которые могли бы удовлетворить его запросы.

Наряду с бытовыми предметами могли бы найти спрос и простые пластинки моржевой кости круглой, овальной или прямоугольной формы, покрытые гравюрами. Такие пластинки пригодны для украшения различных предметов быта, но могут иметь и самостоятельное значение, как произведения художественной миниатюры.

Дальнейшему развитию гравюры мог бы способствовать частичный переход ее к более крупным произведениям станкового типа (картины и различные по форме и размерам панно). Разумеется, клыки, как материал, для такого рода произведений непригодны: они малы, узки и тем самым исключают возможность использования их для крупных работ; однако удачный опыт Вуквола над порталом из светлой пластмассы указывает пути для нового направления искусства гравюры. Этот портал, будучи первым опытом монументального искусства, получил высокую оценку советской общественности, но, к сожалению, подобного рода работы в дальнейшем не повторялись. Между тем светлая пластмасса оказалась вполне пригодной для гравюры, сохранившей на новом материале все присущие ей особенности. Значительные размеры пластин позволили перейти к более крупным изображениям и притом в количестве, превышающем число рисунков на клыке. Опыт художников-палешан, создавших наряду с живописными миниатюрами ряд крупных

панно, театральных декораций и стенных росписей, говорит о том, что работы миниатюристов в области монументальной живописи не разрушают старого искусства, а лишь обогащают его новыми возможностями.

Надо надеяться, что уэлленские мастерские будут обеспечены пластинами светлой пластмассы и резчики получат возможность продолжить и развить на месте удачный опыт Вуквола. Едва ли можно сомневаться в том, что произведения монументального характера найдут широкий сбыт не только на Чукотке, но и в крупных центрах Советского Союза.

Различного размера панно могут быть использованы для украшения внутренних помещений общественных зданий (Домов культуры, клубов, фойе театров и кино) и жилых помещений. Небольшие пластины, покрытые гравированными рисунками, пригодны для отделки бюваров и альбомов, деревянных шкапулок, полочек и тому подобных предметов домашнего обихода.

Для осуществления этих и других мероприятий, ставящих своей целью улучшение качества существующего ассортимента резных изделий, изыскание путей для его расширения и создание новых видов гравюры, необходимо пригласить для руководства костерезными мастерскими не только опытных резчиков из среды чукчей и эскимосов, но и художников-профессионалов. В дальнейшем развитии замечательного искусства чукчей и эскимосов должны быть заинтересованы как снабжающие, так и научно-исследовательские учреждения, в первую очередь Институт художественной промышленности в Москве.